

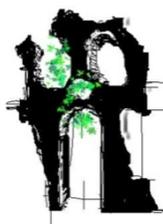
Dialogue on the wall

С. Весто
ДИАЛОГ О СТЕНЕ

любимые песни гуннов

У Стены есть только две стороны и одна миссия. Она точно знает, что такое «хорошо» и что такое «плохо», в ее тени всегда есть место для тех, кто уже понял, с какой стороны лежит свет истины. С ней нельзя договориться и ее нельзя уговорить, ее нельзя подвинуть и ей нельзя помешать. Но о ней можно поговорить.

С. Весто
ДИАЛОГ О СТЕНЕ. ЛЮБИМЫЕ ПЕСНИ ГУННОВ

норвежская сага об электронных средствах связи

v.9

ISBN: 978-5-4485-9781-7

 senvesto.com

Всякое коммерческое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.

© **S. Vesto.** 2009
© **S. Vesto.** graphics. 2009

TXu 1-647-222
TXu 1-870-830

Измышления лучших не всегда обнадеживают. Часто они вгоняют в краску.

- Кутта Мл.

Когда обслуживающий персонал систематически выпивает во время работы, уже не удивительно, что лабораторный материал постоянно ошибается дверью.

- Избранные проекты мира: строительство руин. Руководство для чайников

О СТЕНЕ

Mother, do you think they'll drop the bomb?

- Pink Floyd, *The Wall*

...

- Говорят, у него тут даже очки особенные, со специальным пуленепробиваемым стеклом.
- Это разумно.
- Последний раз его видел – как будто слегка спал с лица. Говорят, у них сейчас с Шамеевым такие хорошие тесные отношения, что они теперь и едят, и спят вместе.
- Добрососедские отношения, значит.
- На госсобрании видел. Сидел как-то в баре, кто-то забыл выключить ящик. Шамеев ему лично выделил особое место рядом, самый престижный район. Чтоб в пределах непосредственной досягаемости. Я смотрю: он – не он? Ну, точно – он, отец родной. Петрушка там как на Золотой Орде, бледный от удовольствия. Такие вещи так просто не выделяются. Мне же Шамеев там ничего не выделяет.
- Чего он там делает, не пойму.
- Смотрит. Хорошо живет. Зарабатывает. «Глаз президента». Присматривает. На случай если што. Много чего. Здесь, брат, все со смыслом. Вам, может, и тысяча лет, но вы только часть собственности Москвы, не забываетесь. Вам пусть будет хоть десять тысяч лет, только вовремя вспоминайте, кто кому платит 20 миллиардов из своих 30 и отдает 97% нефти. Здесь даже с содержанием, что присматривает один небольшой шелупок, не кто-то там. Не обращал внимания, они сейчас везде подчеркивают, кто чья собственность?
- Чтоб не отрывались, значит. Положим, присматривает вряд ли уже только он один.
- И ведь спросить больше не у кого. Присесть так на край стола, взять его за галстук, смахнуть пыль с плеча: «Отец. Ты тут у нас один – или как?»
- Вообще-то с таким вопросом лучше к их президенту. Не та компетенция.
- Присесть так на край стола. Взять за галстук. Смахнуть пыль с плеча. «Отец. Как жизнь».
- Я дорого бы дал, чтобы только это увидеть.
- Я бы тоже.
- Уже сразу заранее можно гарантировать на несколько тысяч лет вперед, что такому обеспечено место в истории миров. И ценностей цивилизаций. И даже анналы цивилизаций будут вспоминать о нем, только аплодируя стоя. Всего лишь только один вопрос о жизни.

- Да, диктаторов про жизнь лучше не спрашивать.
- Вообще, с этой пылью не все ясно, пища для размышлений. Я бы даже сказал, тема исследований. Кому-то ее надо смахнуть. Если он, скажем, там мешки таскает, то не просто так. Не иначе, с определенной целью. Укрепляет позиции своей страны. Со взмокшим от усилий лицом. Пыль на пиджаке – это актуально. Есть над чем подумать.
- Не знаю, может, он снял его с кого-нибудь. Кого он там убил в последний раз?
- Сегодня это деликатная тема. О ней нельзя говорить, опуская приоритеты.
- В отрыве от конкретного историко-политического контекста.
- С чего бы там бледнеть.
- А у них там черта руководства такая, периодически бледнеть. У нас все хотят спросить, это правда, у вас на домах пишут «Шамеев – проститутка русаков»?
- У нас еще не такое напишут. Свобода печати. По-моему, народ просто не в курсе.
- Как-нибудь поделись.
- Можно.
- Вот последний хит кормушки: система назначений¹. Сам смысл-то, только вдумайся. Это что-то с чем-то, больше ни у кого не найти: чтобы мустанг в пределах Территории случаем откуда-нибудь не упал, придумали эту мудотню с назначением. Москва придумала. Она лучше знает, что лучше, а тут все овцы.
- Чтобы у нас не дай бог вообще не объявился такой мустанг. Чтобы только овцы.
- Чтобы только овцы. И чтобы больше вообще не искали. Теперь Москва будет искать, что ее больше устроит. Заранее перекрыла все барьеры.
- Не знаю, что сказать. Нет слов.
- Смотри, как все просто: когда эта система началась? Вся она только ради Территории Урала. Эти назначения другим абсолютно пофигу. Это касается еще только пары республик на Севере. Вспомни, когда все началось? С Беслана. Там бомбилы разбирают школу², все ждут, что КГБ теперь уже точно сделает из русской федерации зоопарк – у них президент выползает с «предложением», чтобы он подбирал коренному населению президентов, а не само коренное население себе. И все разводят руками, как это может обезопасить Москву от терроризма. Предложил, значит.
- С заботой о судьбах. Называется исключением вероятности нежелательного рецидива.
- Брат, ты не туда смотришь. То есть президент у них, получается, сам того не желая, признал, что терроризм у него не в том, что он вешает, а совсем в другом. Москве нужно, чтобы никто ничего не смог изменить.
- Это совсем не такая мысль, чтобы сразу туда смотреть. Говорят одно, врут другое, делают совсем третье. Ты его выбирал?
- Зачем это. Москве нужно – вот Москва пусть и ходит к себе на выборы. Мне учитель запретил. Выпей, говорит, лучше дома чашку чая за его здоровье. Короче, теперь он берет свой листок, засовывает в зубы конец спички и смотрит: ага. Вот этот безопасен, этот безопасен, этот, этот и этот пустое место. А вот этот не зарекомендовал себя с хорошей сторо-

¹ Согласно ей, выбор национальных президентов в этнических республиках должен делать московский президент.

² Имеется в виду захват чеченскими повстанцами средней школы.

ны, его в списке не будет, а вот у этого для Москвы слишком немосковские взгляды, КГБ докладывает ему. А вот у этого тоже, но сам он не опаснее промокашки при повышенной влажности, только языком чесать умеет, и еще любит хорошо жить – вот его в список демократично внести нужно, чтобы плюрализм. Он у нас будет негром. И все. Пусть выбирают. Вроде одного колхозного похоронного лица Шамеева на все огромное русское правительство и его Кормушку. Классический вариант этнического представителя, работающего у русских негром: вроде же не что-то там, не игрушечный пистолет с пистончиками, президент, да не просто, а прямо непосредственно в святом центре их Кормушки. Да не чтобы там тихо присутствовать – нет, он чего-то там даже на их языке зачитывает и все слушают – а ничего, абсолютно ничего даже с одной латинской графикой сделать для своего языка не может.

Это как выборы у чеченцев: что бы они ни выбрали, выигрывает одна Москва. То есть дело не в самом листке, он даже по идее не обязателен, сама система у них уже перекрыла барьер для мустанга там, тут, у всех. Им теперь больше никто не нужен, у них сейчас только один исторический вопрос, как достать всех нас. Их листок может быть даже бесконечной длины – его еще нет, а главное он уже сделал, мустанга в нем не будет. Ни в одном домене. В Австралии для такого рода мероприятий есть очень точное определение: «Судебное заседание кенгуру».

- Думаешь, пн сюда смотрит?
- А плевать. Мы у себя дома. У нас свободные республики. Да кому на фиг тут какое дело, тут теперь всем пофигу любые слова. Каждый сам за себя. Одно КГБ за всех. Если что, развяжем этнический конфликт, сколько можно терпеть.
- Время учит терпению.
- Какое там еще в московскую жопу время.
- Московское. «Только под большой кормой Москвы любая из ваших республик кочевой федерации сможет обрести свой родной дом».
- Это откуда? О-очень хорошие стихи...
- Девиз «Единого Куска».
- Сжато и понятно. По самой сути. Свободная пресса тебя может неправильно понять.
- Свободная пресса когда что-то могла понять правильно? Настоящие трудности начнутся, когда она что-то начнет понимать правильно. Ты вообще что-нибудь тогда понял из их ора по ТВ про ту школу?
- Да где мне понять, мне не до школ тогда было, я был за несколько парсек. У меня сложилось впечатление, что этого не понимают даже те, кто там был.
- Так и есть. Кто во что горазд.

1

- Давай я тоже попробую от себя внести свой скромный вклад в общую сокровищницу теорий. Сделаю попытку рассказать, как все то же самое выглядело со стороны – не больше чем собственную версию, построенную на чисто одних законах формальной логики, на том, насколько я сам знаю людей, психологии и кое-каких специальных познаниях, - а ты сравнишь ее с тем, что слышал. Начать лучше, по-моему, будет не сна-

чала, а с того, что на русских ТВ стало принято называть моментом «Первого Взрыва». Потому что если начать уходить к началу, то пришлось бы идти непосредственно к моменту Большого Взрыва, а так долго ждать ты и я не можем. В общем, Первый Взрыв в школе. Очередной поворот в истории конкретной страны. Очень поучительно было бы если не понять, то хотя бы попытаться дать разумное объяснение тому, что есть и, особенно, тому, что может быть. Насколько я издали мог судить, как первый раз бабахнуло, так все и началось. Поэтому сразу примем данное положение как одно из наиболее важных.

Так вот, как только все информ-каналы Москвы, как сговорясь, силами всех своих мощностей громко принялись намекать на случайный характер действия сработавшего детонатора, хором склоняя общее мнение к спонтанности в рабочем настроении взрывателей и их склонности к непредсказуемым поступкам, у меня тут уже невольно проснулись большие сомнения в случайности того и всего, что было дальше. На мой взгляд, они просто имеют достаточно смутное представление о том, о чем говорят. Я представляю примерно, как заявления такого рода воспринимают заинтересованные стороны, поэтому буду говорить, ни на чем не настаивая. Потому что я от себя попробую здесь обосновать ту точку зрения, по понятным причинам малоприятную, или, точнее, совсем неприемлемую, что инцидент случайным не был.

К версии случайности в подобных случаях должен толкать чисто один лишь защитный механизм психики сильно напуганных людей, и их хорошо можно понять. Потому что если только это не так, если только допустить возможность сценария совсем другого, то тогда пришлось бы пройти до конца по версии с такой логикой, что ничем хорошим бы экскурсия в те края не кончилась. Но кому-то это надо попробовать сделать. Если больше некому застолбить жилку, сделаю я.

К большому сожалению, я почти ничего не знаю о других версиях того инцидента, у меня нет ни времени, ни желания копаться в газетах, поэтому я здесь просто воссоздам собственную версию эпизода. Трудности с логикой (у меня) начинаются с одного положения, которого, похоже, не произнесет больше никто. Дело в том, что ведь и другую сторону я тоже хорошо мог бы понять. По крайней мере, я догадываюсь, что ими отчасти могло двигать. Поэтому поступим так: я буду рассказывать, а от подробных комментариев мы тут воздержимся. Судя по сбивчивым объяснениям очевидцев, по углу обстрела и периметру перекрытий ведения огня, по тому, как подбирались число людей и как удавалось такое долгое время поддерживать достаточно высокий уровень дисциплины в такой крайне экстремальной ситуации, принимая во внимание, как были учтены все невыгодные особенности прилегающих строений и зданий, а также параметры времени, места и т.д., - хотя бы из того, как «повстанцы» (определение придумано не мной, а взято из информ-систем Запада) держали оружие и как вели себя под перекрестным огнем, уже можно уверенно сказать, что это были не просто хорошо подготовленные специалисты – профессионалы на своем рабочем месте. Все гипотезы и спекуляции о будто бы имевшей место предварительной наркотической обработке данного персонала, не имея на руках независимых анализов крови, лучше будет оставить самой приоритетной нации и ее толкачам. Вопреки тому, что о них принято думать, профессионалы обычно предпочитают сохранять голову ясной. Попросту так повышается шанс остаться в живых.

Другими словами, многословные намеки русских ТВ (почему «русских», потому что все остальные, насколько мне известно, как один предпочли от

комментариев воздержаться) насчет случайности Первого Взрыва лучше оставить самим русским информ-каналам. Трудно поверить, что оснащение там состояло из детонаторов, собранных на кухне. Достаточно вспомнить, сколько часов смертники удерживали оборону здания школы, чтобы любой специалист сказал, что все особенности и детали операции по захвату готовились, проверялись и перепроверялись задолго до ее проведения. Говоря совсем коротко: случайностям тут обычно не оставляют места. Общепринятая, как я понял, на сегодня версия относительно того, что вот два дня один из внешних детонаторов лежал спокойно, а на третий лежать спокойно ему надоело и терпение у него лопнуло, - как минимум вызывает массу вопросов.

Потом. Насколько мне удалось узнать, практически на весь период осады радиоэфир силами п.н. был заглушен целиком – оставлен был лишь очень узкий канал для сотовых телефонов нескольких избранных лиц (чуть не сказал: «гребанных» - даже без всякой задней мысли, чисто бессознательная реакция на рифму): то, что там говорилось, слушал только сам Путин и КГБ (или ФСБ, до сих пор не могу привыкнуть, непонятно, зачем морочить населению голову новыми комбинациями букв, когда и так было все хорошо). Он сам это выдал одной фразой, но так и не сказал, что же он конкретно там слышал. **То есть о том, что там было на самом деле, догадывались только совсем немногие лица из числа допущенных.** Но о том, что люди те были настроены очень решительно, можно было догадаться даже за несколько тысяч километров и без пояснений. Иначе говоря, этого не знал еще никто, а Москва – и только она одна – уже абсолютно точно знала примерный свод требований «повстанцев». Вот здесь и начинается самое интересное.

Потому что их так больше никто и не узнал и, как можно понять, не узнает уже никогда.

Чтобы получилось совсем понятно, что я хотел сказать, осталось посмотреть ту виртуальную версию реальности, в которой бы тот пресловутый Первый Взрыв отсутствовал, чего не догадался сделать никто. Дефиниции, конечно, с фактами вещь полезная, но на них одних человек до сих пор бы сидел на ветвях деревьев. То, что захват делался смертниками не от избытка здоровья, а с вполне определенными, заранее продуманными целями, понятно даже далекому от всех школ человеку. И то, что требования эти будут не «много-много долларов и самолет с рейсом без пересадки от школы до Калифорнии», могли догадаться даже школьники.

Больше того, у меня создалось впечатление, что то же русское правительство само бы кому угодно заплатило долларами, чтобы только тот виртуальный свод требований **действительно состоял из денег.**

Но если не деньги, то они опять могут быть только политическими – и касаться лишь одной-единственной республики. Не Норвегии, не Восточной Федерации и не Башкирии, а только самой республики горцев. Уже в который раз. Я почему-то думаю, что даже из наиболее стойких русских противников недостаточно русских фамилий совсем немногие назвали бы все приведенное домыслием или спекуляцией. И хорошего в этом мало. А то, как же конкретно мог выглядеть тот перечень требований, - так они уже тысячу раз повторены в расклеенных листовках самих горцев, у себя дома и непосредственно на территории Москвы. Вывести русские войска с захваченных территорий и дать возможность горцам самим, без русских выбрать себе президента. У меня даже откуда-то такая уверенность, что список требований не включал еще в себя пункт относительно денежных компенсаций за период русской оккупации суверенного, независимого этнического домена.

Надо ли говорить, насколько мало устроили бы *москву* подобные требования в эфире, когда прямо туда смотрит весь мир. Всеми ими были предприняты беспрецедентные меры, чтобы слышали только их и говорить больше не мог никто – от печати книг и разговоров на радио до телевидения. И надо ли говорить, насколько мало те стандартные требования устроили бы Путина. Русскому диктатору прямо тогда было совсем несложно воссоздать всю целиком картину последствий.

«Привет Путину», - если верить другому президенту горцев еще одной соседней республики, более покладистому и гораздо более послушному пожеланиям Большой Кормушки, чтобы жить сладко, долго и счастливо, с таким добрым пожеланием заканчивали смертники жизнь в школе не только свою. Говоря простыми словами, перед Москвой с самого начала стояла дилемма, в которой она проигрывала, что бы ни выбрав.

Согласно ее логике получалось бы, что все предыдущие потери, все тысячи и тысячи трупов, все сожженные холмы денег, все упавшие и мужественно пережитые дома, все насмешки, откровенные издевки и мультфильмы Запада – все было зря. Потому что стоит только один раз дать ситуации выйти из под контроля, стоит только один раз отдаться естественному течению событий и разрешить сюжету выглядеть так, что самонаводящиеся взрывные устройства своего добились, как он перестанет быть обратимым. Я не говорю, что сделал бы на их месте то же самое; сомневаюсь, что когда-либо окажусь в ситуации выбора, сходной той, вероятность таких вещей снимается, просто снимая сам повод к их появлению. Я только хотел сказать, что, если все это хотя бы на какую-то часть имело место в действительности, я хорошо бы мог их понять. В положении выбора, когда потери были бы в любом случае - и даже непредсказуемые по последствиям, - они постарались сохранить над безвыходной ситуацией контроль и пошли по одной из ее версий с меньшим комплектом перспективных потерь. Кто-то из них закусил удила.

Пофигу чужих детей, раз потери неизбежны так и так, - приоритеты их страны, точнее, одного диктатора и сподвижников по застолью, выше. Они настолько важнее, что другие прочтения просто не рассматривались. Именно этим определяются условия диктатуры. Кстати, в точности по такому сценарию проходило нападение Москвы на независимую республику горцев: компиляция на русском ТВ, очень уверенная в своем праве мыть овцам мозги – массированная подготовка, обработка сознания населения – психоз и истерия по всем информ-каналам – искусственное создание повода – оккупация. Только с одним очень существенным отличием.

Тогда они были очень уверены в себе и в том, что что бы они там, там и там ни сделали, им все можно. Я хочу сказать, что по общему комплексу реакций и анализа их восприятие в мелочах повторяло смертников: было идентично ему.

Повторяю еще раз: с точки зрения формальной логики они не только оказались на высоте, они попытались сделать главное – проявить далеко идущую предусмотрительность. Чем, в общем-то, надо было заниматься раньше. Приоритеты их большой страны так и остались нетронутыми. Никто этого так и не заметил, но они даже не вздрогнули. Всем, понятно, сегодня не до формальных логик. Я допускаю даже, что все это хорошо понималось и другой стороной тоже. Выдвижение требований вроде приведенных в обстановке, сходной той, говорит о воссоздании теоретической комбинации, в вероятность которой сами больше они уже не верят.

Что примечательно: ничего из подобных интроинспекций ни на одном канале информационной паутины Москвы не было – что было, только бесчисленное повторение одних строго отобранных для 9-ти часовых поясов

оборотов: «терроризм», «бандформирования» и «боевики», снова, снова и снова. Причем – и это самое важное – в изложении россиян и Москвы по хорошо понятным причинам ни один из оборотов *не был связан со здравым смыслом*. «Терроризм» без причины, «бандформирования» без причины, «боевики» без причины.

Хороший психолог задаст вопрос: как должно воспринимать подконтрольное население реальность, когда согласно навязанной идеологии она, реальность, регулярно взрывается – без причины?

Конечно, очень скоро последовали длинные сытые рассуждения с попыткой подsunуть под реальность свой суррогат, каждый раз удивительно выгодно отвечавший официально принятой идеологии, но он был интересен только им самим. Они без тени смущения его даже Западу пытались продать, чисто по инерции, уверенной рукой переложив проекцию собственного подконтрольного поголовья на восприятие свободного мира. Результат легко можно представить.

Всякая вооруженная борьба, если она не достигает цели, рано или поздно вырождается. Все-таки прошло больше десяти лет, тоже надо учесть. Президенту пней нечего больше терять – и горцам нечего больше терять тоже: в уравнении вроде данного обычно остается не много места для дипломатических решений. Я могу только повторить еще раз, что говорил уже раньше. Выбирая себе на крышу то, что они выбирают, они сами напрашиваются на неприятности.

- Может, они непримиримые поклонники больших неприятностей, откуда ты знаешь.
- Что я и пытался доказать. Поэтому все, что тут требуется, сделать так, чтобы свое настоящее они не делали настоящим кого-то еще.
- Такие события. Борьба миров. Москва приходит и неторопливо делает из целых этнических культур удобрения под свои приоритеты. Русская диктатура насмерть противостоит любым попыткам построить что-то, отличное от ее вонючих ценностей и окровавленных горизонтов. И только тут всем пофигу.
- Не то чтобы пофигу. Просто каждого уперли в один угол. Сейчас они плачут: «КГБ превратилось в диктатуру». А мне смешно. Спрашивается, а чего вы ждали?
- Да, спросить бы, на что они рассчитывали. Вопрос на миллион в долларах.
- «...Выглядит так, что он словно глубоко замерз во времена Холодной Войны и так там и остался. Все его поведение говорит о том, что он перекладывает менталитет КГБ, корнями проросший из Холодной Войны, на реалии Европы 21-го столетия...» (Britain's deputy PM Clegg)
- Надо уже что-то решать.
- Повстанцы их прямо на коленях упрашивали пойти на переговоры, о чем вообще никто не думал, что такое возможно, просто уже поняли, что им конец. Когда Лебеда грохнули вместе с вертолетом, они сумели даже найти у них в Москве еще какого-то постороннего посредника-чеченца с пятью дипломами и десятью учеными степенями – но Совок с московским президентом ведь образцы негибимой воли. Они не знают компромиссов. У них же миссия всемирно-исторического освобождения многострадального русского народа от недостаточно правильных фамилий, им же нужно остаться в истории примерами стойкости и умения доводить решения до конца, их просто так не сломить, они мужественно готовы выдержать любые испытания и закопать столько, сколько нужно, они уперлись попугаем: «Будем отстреливать...», «Будем отстреливать...»,

«Будем отстреливать...», «Будем отстреливать...». Все сепаратисты должны были вздрогнуть. Здесь как раз случай пресловутой русской истероидности в национальной характерологии, когда руководствуются не соображениями практического дела, а «как он будет смотреться со стороны». Я не могу, конечно, претендовать на полную исчерпанность гносеологии, но по-моему, тут и должно лежать то неискоренимое их отличие от трезвого и холодного разума Запада. Я к тому подвожу, что не оставалось больше ничего, кроме методов шоковых терапий.³

- Вздрогнули почему-то совсем не они.
- Он же ведь только раздаёт туда-сюда распоряжения, он ведь ничего не видит дальше своих желаний, сидит в мягком кресле и только пишет чужие бумажки с нулями. Он же сам не видит холмы своих достижений, ему-то что с его Москвой. У него же московских мозгов не хватает представить, на что его достижения похожи. Дело даже не в том, что ему показывают только исключительно реакцию горцев на действия оккупационных войск, - он просто не хочет видеть ничего больше. Все же понимают, что он не может сейчас вот просто так оторваться от своего полированного кресла и при всех признаться у всех на виду: «Виноват. Обделался. Ошибся. Да, признаюсь. Бывает, ничего страшного. Занимайтесь своими делами. Горцев мало – Москвы много, ей можно. Переверните свою неудачную страницу и забудьте». Что интересно: та настойчивость, нетерпимость и непреклонность, с какими их президент напирал только на такой сценарий событий, на деле объяснялись вовсе не горячей жаждой восстановления справедливости и даже не чтобы широким жестом показать всем, как они умеют держаться раз данного слова и какое оно у них твердое – они заняты отстреливанием последних очевидцев их планетарного провала и их собственных преступлений. Так убирают свидетелей. Их подсознание надеется, что так им потом станет легче.

Основание для такой их замечательной непреклонности совсем простое: как это принято в русских исторических традициях, зло героическими русскими усилиями опрокинуто, втоптанно и жалобно упрашивает смягчиться – «о безоговорочной капитуляции». Тут уже только один шаг до карающего меча всемирно-исторической справедливости. Согласно их сюжету, меч справедливости не знает жалости. И так далее. Но грязное то пятно – и это нужно кому-то сказать отдельно – останется не только на одном московском президенте с Москвой, а на всей пн. Уверен, они это легко переживут. Одним грязным пятном больше, одним меньше – ничего нового.

- Я все думаю – я когда смотрю на их успехи, передо мной все чаще появляется одна и та же картинка, что теперь совсем недалеко уже до того дня, когда на свет извлекут длинные, все бесконечные их кадры с покойниками и траншеями и без комментариев, просто так, день за днем

³ Дэвид Саттер, американский журналист (*Financial Times*, *The Wall Street Journal*), построил на этом сюжете несколько книг. По словам *The Guardian*, Саттер (David Satter) – единственный из западных журналистов, кто со времен холодной войны был экстрадирован из Русской Федерации, и последний из оставшихся в живых пяти журналистов, кто выдвигал обвинения о прямой причастности государственного аппарата и его руководителя к терактам ввиду отсутствия повода для начала Второй войны против республики горцев и захвата их территории. Причины депортации оставлены без объяснений. (Wikipedia) То, что после Хасавюртовских соглашений президент россияне перестал спать, было видно даже по его лицу. Лишь в этом ключе нужно понимать фразу руководителя п.н., с замечательной решимостью произнесенную с экрана и бесчисленное множество раз повторенную его информационными каналами, что «мы не вступаем в переговоры с террористами». Смысл здесь все тот же, что и у думков от правительства п.н., после Хасавюртовских соглашений утеревших нормальную дикцию. Не допустить саму возможность переговоров.

начнут проворачивать по всем ТВ – с одинаковым посвящением русским и их отечеству.

- Только чтоб не у меня. Они трудились – вот они пусть культурно и отдыхают.
- Долгий же им предстоит отдых.
- Один мужик мне говорит, негромко так, с сердечным смыслом, как будто это от меня зависит: «Веришь, я как большой праздник, как Новый Год жду, когда он оторвется от дел и пойдет отдохнуть». За подотчетный период правления последнего русского правительства благодаря усилиям его и их президента было закопано столько людей и сожжены такие холмы денег, что до сих пор нельзя узнать, сколько же именно. Вряд ли бы это скрывали, если бы скрывать было нечего. Их президент задействовал все земли и небеса, убедив все без исключения этнические домены Восточной Федерации, насколько исторически необходимы им эти покойники и как жизненно важно им его войны оплачивать. Удивительное дело, только уважаемый господин президент почему-то сам не торопится вести там свою миссию всемирно-исторического освобождения русского народа и нефтяных залежей с автоматом в руках и, напротив, собирается жить долго и хорошо. Как именно хорошо – почему-то, в отличие от всех президентов других стран, так же узнать до сих пор никто не может. Мне кажется, любого нормального человека со стороны должно раздражать, глядя, как он хорошо стоит под камерами рядом с Бушем и приятно рассказывает о достигнутом.
- Мы тоже в мавзолее его видели. Горцев тоже мог бы хорошо понять? В смысле, нечего терять?
- «Республика – это тот идеал, что нес на себе свет великого прошлого; и то сокровище, защита которого составляла задачу жизни и по утрате которого жизнь теряла смысл». Был такой непревзойденный образец добродетели в республиканский период Древнего Рима, Катон Младший, так это про него. Не уверен, что все горцы тянут на образец добродетели, но любой представитель культуры Запада понял их сразу и без пояснений. Что было потом, со стороны сильно напоминает реакцию людей в состоянии сильного стресса и в ситуации, далекой от нормальной. Так, наверное, тоже нельзя сказать, понятно, что ситуация не могла не быть для смертников стрессовой, я лишь хочу показать, как то же самое выглядело на взгляд постороннего. На выход подобной ненормальной ситуации из-под контроля практически все люди с параметрами активных программ выживания, если им перекрыть все выходы и не оставить совсем никакого выбора, в определенном отрезке времени реагируют одинаково: «Плевать...» В этологии то же поведение у животных носит название критической реакции. И только такое поведение особи тут является нормальной реакцией здорового жизнеспособного организма – отдельной особи или этнической культуры.

Это совсем не относится к области истерической реакции, ее, что уже действительно редкость, нельзя отнести даже к чеченским женщинам, двумя автоматными очередями встречавших русских «освободителей», как только те входили к ним в дом, аккуратно избегая зон бронезилета (если верить германской «Allgemeine Rundschau». Или «Allgemeine Zeitung» – я в них не разбираюсь, там все в готике.). Как то же самое называется на языке русских – весь мир уже оглох слушать. Это в ответ на удивление русских боевиков, что «я в ниво пападаю, а тот ни падаит». Любой физиолог скажет, что предельная форма стресса действует как сильный анестетик.

- Вот, елки, проблема. Как раз по этой причине умные люди придумали серию не из одиночных, а дублирующих выстрелов.
- Иначе говоря, можно допускать, что первоначально та «шоковая терапия» для русского правительства, которое не скрывает своего принципа идти на переговоры и «диалоги» только с теми куклами, которых само же ставит, откровенно издеваясь над горцами и просто над здравым смыслом, в действительности не предполагала никакого вреда детям – ситуация вышла, точнее, была выведена из-под контроля. Но можно, конечно, этого и не допускать. Любой представитель сравнительной этологии скажет, что как бы информ-структуры приоритетной нации громко ни уверяли Запад, разрушить ту занесенную в гены программу реакций взрослого на присутствие испуганного ребенка без того, чтобы не разрушить притом функции других сигнальных/воспринимающих систем и систем жизнеобеспечения, нельзя.

Так любимое официальными каналами россиян сравнение относительно «зверей» здесь проходит плохо. У зверей как раз реакция тут однозначна. Любой павиан бросится в воду за чужим детенышем своего вида. Чтобы быть более убедительным, им нужно говорить точнее, каких именно животных они имеют в виду, потому что с равным успехом то же применимо и к пн. Я хочу сказать, что с появлением у Кормушки последнего русского правительства была пройдена точка обратимости – наступила фаза необратимости процесса: никто еще не знал, а школа и остальное уже ждали впереди, как месяц на горизонте.

- Так и запишем. В самом лучшем углу стены.

/.../

Купить книгу С. Весто. ДИАЛОГ О СТЕНЕ. Любимые песни гуннов:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com

